

1 июля 1972

С ЭТОЙ фразы Сергея Сергеевича Наровчатова, которая как-то сама собой стала заглавием, началась моя беседа с этим талантливым советским поэтом. Творчество Наровчатова не нуждается в представлении, его стихи с одинаковым интересом читают и молодежь, и люди военного поколения, с которыми плечом к плечу прошел поэт трудные дороги и годы войны. Хорошо известны его критические и литературоведческие статьи. Темы разговора с Сергеем Сергеевичем могли касаться разного — ведь его деятельность необычайно широка и далеко выходит за рамки только поэтической. Наровчатов — депутат Верховного Совета РСФСР, первый секретарь правления Московской писательской организации, член МГК КПСС.

Из всех возможных тем я попросил Сергея Сергеевича остановиться на одной, той, что роднит стихи и искусство, поэзию с живописью, музыкой, театром...

Она может быть названа так: искусство поэзии и поэтическое искусство.

— Однажды я был приглашен в Звездный городок на встречу работников литературы и искусства с космонавтами. Речь зашла о том, главным, что ощущает каждый человек в своей профессии. И я с нарастающим удивлением услышал все чаще и чаще повторяемое слово поэзия. Поэзия танца, поэзия музыки, поэзия кинематографа... А хозяева этой встречи говорили нам о поэзии космоса. Мне даже как-то неловко стало выступать о поэзии поэзии — могло оказаться перебором.

Ну, а удивило и порадовало меня то, что человек, желая оттенить самое заветное в своем деле, прибегает к определению «поэзия». Видимо, заключено в нем что-то гораздо более глубокое и всеобщее, чем название одного из родов литературы.

Да, поэзия — это не только стихи. Толкований этого понятия великое множество — и философских, и эстетических, и литературоведческих. И все-таки каждый привносит в него что-то свое, личное.

Я определяю поэзию, как поиски счастья. Мне кажется такое толкование тоже возможным. Тогда оно оказывается необыкновенно широким. Поэзия становится романтизирующим началом в жизни человека, вплетается во все роды деятельности людей, наполняет собой человеческое существование. Ведь в конечном итоге поиском счастья посвящена наша жизнь.

Впрочем, я напрасно тшусь объяснить словами поэзию. Сверхчеловеческого духа имеют сходство с природными явлениями. Они естественны и закономерны и в то же время необычны. Со школьной скамьи нам известно, как рождается гроза, почему гремит гром, отчего сияет радуга. Но каждый раз мы заново страшимся, радуемся, удивляемся внезапности их возникновения. И удивление наше оправданно — ни одна молния не повторяет другую, ни одна радуга не схожа с предыдущей. Казалось бы, тот же свет и те же цвета, но все совсем иное и новое.

Объяснить чудо — задача трудная и неблагодарная. Так и с поэзией. Объяснить ее невозможно. Но рассказать о ней можно.

Гете говорил: «Кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта». Я рискну перефразировать эти слова: «Кто хочет понять страну, пусть идет в ее поэзию».

Строки стихов, написанные заново и оставшиеся классикой от предыдущих поколений, раскрывают перед нами не только события и факты истории, а нечто гораздо боль-

шее — судьбы народов, движения классов, жизнь человеческого духа. Вот перекресток, на котором встречаются поэзия и искусство.

И на встрече в Звездном городке именно поэтому так часто произносилось слово «поэзия». Ведь полет в космос — это та же «езда в неизвестное». Гагарин стал ровень с величайшими поэтами, когда впервые в истории человечества увидел земной шар «со стороны». Так допустимо ли относить поэзию только к числу литературных понятий?

Мы верно говорим, например: поэзия труда. Мы понимаем, что счастье человека — в труде, а поэзия — ведь это поиски счастья. Не замкнутого, эгоистического, а всеобщего счастья. Романтизируя человеческую жизнь, поэзия возносит людей к личностному восприятию таких высоких понятий, как свобода, братство, равенство...

Наши великие поэты не мыслили счастья отдельно для себя, а видели его только соединенным с на-

над которой поднимается мотив не-красовских «Коробейников» и над которой огненными пламенами сверкают его собственные слова: «И вечный бой! Покой нам только снится...».

В дни, предшествовавшие созданию «Двенадцати», Блок записывает в своем дневнике: «Слушаю музыку революции». В этой музыке он не искал диссонансов, воспринимая ее как единую мощную симфонию, автором которой был победивший народ. И мы знаем, что советское искусство и литература обрели свои силы именно в том, что всегда шли за лейтмотивом этого великого звучания, не отвлекаясь диссонирующими шумами. Нам завещал это великий поэт, оставивший на красном знамени нашей культуры бессмертные строки «Революционный держите шаг!».

Вот что такое поэзия. И в сочетании поэзия театра, музыки, живописи, кино я вкладываю именно это содержание.

МИР ХУДОЖНИКА

Сергей Наровчатов:

ПОЭЗИЯ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО СТИХИ

родным счастьем. Эту мысль они внушали людям. Так же, как великие композиторы и актеры, художники и архитекторы, кинематографисты и драматурги.

Некрасов мог лишь мечтать о будущих временах всенародного счастья. Блок их дождался. И величие Блока именно в том, что он понял: счастье народам несет ленинская партия коммунистов. В январе 1918 года, отвечая на вопрос газеты «Петроградское эхо» «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — Блок сказал лаконично и точно: «Может и обязана». Так ответил автор «Стихов о Прекрасной Даме», «Незнакомки», блестящий поэт, творчеством которого завершился многолетний период русской поэзии и начался новый, советский путь ее развития.

Поэмой «Двенадцать», статьей «Интеллигенция и Революция», работой в советских учреждениях, выступлениями перед рабочей аудиторией Блок показал, как он понимает свои обязанности поэта.

Мне кажется важным напомнить об этом еще раз в разговоре о поэзии в искусстве. Пример, который являет собой жизнь и творчество Блока, важен всем нам, ибо подлинно поэтично только то, что прогрессивно, что устремлено в будущее.

Блок это понимал, когда писал: «Тема о России... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь». Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни и знаю, что путь мой в основном своем устремлений — как стрела, прямой. Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния — я иду».

К началу революции Блок, пройдя все улицы и закоулки «города», все края и окраины «страшного мира», выходит в ту необозримую степь,

Поэзия искусства трансформирует в себе поэзию времени, является ее отражением. А поэзия времени заключается в тех невиданных свершениях, которые взял на себя советский народ.

Поэтична основная задача нашего общества — построение коммунизма. Впервые в истории счастье человека стало государственной задачей. Ясное понимание цели приумножает силы.

Мне вспоминается старинная французская притча: у двух каменщиков, строящих Нотр-Дам, спросили, что они делают. Один ответил: «Переношу камни». Другой сказал: «Строю собор». Разное отношение к труду проистекает из разного понимания цели. Поэзия рождается в людях это понимание. Она освещает обыденное светом всеобщего. Мери яркости этого света определяет талант художника. Чем притягательно гениальное произведение? Индивидуальным взглядом на мир. В нем замечено то, что мы, простые смертные, пропускаем без внимания или не можем, не догадываемся сочетать с другими явлениями жизни. Способность увидеть за деревьями лес — это поэтический взгляд на мир.

Тысячи людей держали в руках заграничный паспорт, но только Маяковский дал нам осознать, что это такое. Тем самым он снова подчеркнул, что гражданственность — это не препятствует, а наоборот, способствует выявлению поэтической индивидуальности. Его проникнуты все жанры и роды поэзии, отражающей и воспевающей лучшие духовные качества советского человека.

Твардовский поднимался в «Василии Теркине» до огромного пафоса обобщения, всегда оставаясь четко предметным, конкретным. Хрестоматийный пример — строки из главы «Переправа»:

Переправа, переправа!
Пушки бьют в крошечной мгле.

Бой идет святой и правый.

Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Переправа с одного речного берега на другой, с такой поразительной силой запечатленная в поэме, стала переходом от национальной задачи к всемирно-исторической — «ради жизни на земле».

Вот что я связываю с понятием «поэтическое» и распространяю это понятие на широкий круг явлений советской культуры.

В ходе работы над «Антологией комсомольской поэзии» я перелистывал комсомольские журналы и газеты первых лет революции, гражданской войны, двадцатых годов. Удивительно интересно, необычайно увлекательно! Свежий ветер тех тревожных времен ударил мне в лицо с этих страниц. И вот, встав навстречу этому ветру, я увидел музу поэзии тех лет. В красной косынке и синей сатиновой блузе, краснощекая и ясноглазая, она весело и уверенно открыла дверь большой жизни. Она бежала в нее, не оглядываясь на переступленный порог, вся — порыв, вся — ожидание «эры светлых годов». Она была наивна и прямолинейна, эта комсомольская муза, но как она была искренна, как ей хотелось сделать людей счастливыми! Все это отпечаталось не только в стихах, во всем молодом задоре ниспровержения и утверждения зари нашего искусства. Муза в красной косынке помогает нам понять время и людей, озаренных всполохом революции.

Так можно идти от года к году, от десятилетия к десятилетию Советского государства, ощущая поэзию жизни в поэзии искусства, а не только в стихах поэтов. Для меня это мера ценности произведения, мера таланта художника.

Я в своих рассуждениях оперирую больше стихотворными примерами. Но их можно взять из любой области нашего искусства. В свое время в кинематографе, например, родился даже термин такой — поэтическое кино. Правда, я против такого термина. Поэзия, как я ее понимаю, должна быть ощутима в каждом истинно художественном произведении. Тому пример хотя бы великий «Броненосец «Петемкин» с его кадрами-символами, грустками обобщений. Эйзенштейн и не знал такого словосочетания «поэтическое кино».

Поэзией проникнут и один из лучших фильмов о войне — «Баллада о солдате». В моем сердце он отзывался пронзительными строками Е. Винокурова:

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серезка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

Так же, как трагическое величие Пискаревского кладбища в Ленинграде соотносится для меня со стихами С. Орлова:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат
простой,
Без званий и наград,
Ему, как мавзолей,
земля,

На миллион веков,
И Млечные пути пылят
Вокруг него с боков.

Так великая сила поэзии, дающая крылья для полета стиху и искусству. Виктор Тельпугов в своей книге об Алексее Недогонове приводит такие строки: «Алексей Недогонов часто говорил, что он видит поэзию даже во сне — то в образе девушки, у которой многие просят руки, но не получают в ответ и небрежного взгляда; то в виде птицы, у которой каждое перо может стать крылом...».

Вот что такое поэзия. И это не только стихи.

Записал Е. СЕМЕНОВ.